

31 марта № 70

с. 1.

Д. КРУДЛОВ

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Природа мать, въ тяжелыя мгновенья
 Выврался я тебѣ измученной душой,
 И на груди твоей, въ счастливымъ упоеньи,
 Я забывалъ и гнетъ мучительныхъ сомнѣній,
 И всѣхъ житейскихъ дразгъ крикливый, шумный рой.
 Тамъ, въ пиршествѣ твоёмъ, средь блеска, ликованья,
 Я жилъ, жилъ всей душой, дышалъ свободно я.
 Молю же: успокой гнетъ тягостныхъ терзаній
 И жгучій стыдъ мучительныхъ сознаній
 За бесполезность бытія...
 Я вышелъ въ путь съ надеждами, съ желаньемъ
 Газсвятъ ночи мракъ, во жизнь вокругъ меня
 Казалась мнѣ не жизнь, а только прозябанье,
 Я презиралъ борьбу за мигъ существованья,
 И былъ удѣлъ толпы ничтоженъ для меня.
 А день идетъ за днемъ, за годомъ мчатся годы.
 Уходитъ безъ слѣда и молодость моя.
 Недвижны надо мной остались небеса своды...
 Неужель съ жаждою невѣдомой свободы,
 И дѣлъ, геройскихъ дѣлъ—дойду до гроба я!?

не много

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВЕСѢДЫ.

IX.

(О г. Чеховѣ и его очеркѣ „Стель“).

Всякій разъ, читатель, принимаясь бесѣдовать съ тобою, я ощущаю нѣкоторую неловкость... Пожалуй, это несомнѣнно точно: вѣрнѣе—нѣкоторое застенчивіе, и именно такого рода: не

знаешь, что взять, о чемъ говорить. Помню я такой случай. Зашелъ я въ магазинъ выбрать альбомъ... Выбралъ—недуренъ; но гляжу—другой не хуже, а третій—пожалуй, и лучше. Который взять? Почему этотъ, а не тотъ?... Нѣчто въ родѣ этого я ощущаю всякій разъ, какъ только хочу писать свои литературныя бесѣды... Кто бесѣдуетъ четыре раза въ мѣсяцъ, тотъ о многомъ можетъ сказать, многое захватить... Если и при четырехъ фельетонахъ все-таки нерѣдко приходится о многомъ умолчать (я это испыталъ, ведя обзорніе въ трехъ столичныхъ газетахъ), то какъ же быть при одномъ? И это—стоитъ вниманія, и то недурно; хочется поговорить на одну тему, жаль опустить и другую... Думаешь, строишь планъ, берешься и за то, и за другое—и не доволенъ... Читатель замѣтилъ, конечно, что я почти еще не касался журналистики, не давалъ обзорній журналовъ. Но какъ это сдѣлать? Вѣдь всѣхъ журналовъ въ одинъ фельетонъ не уберешь, а тамъ—поздно: вѣдь не говорить же въ мартѣ о декабрьскихъ? Тутъ и Альбовъ со своимъ новымъ очеркомъ, и Короленко, объ этюдѣ котораго „С. Вѣсти.“ еще за 2 мѣсяца протрубилъ въ анонсѣ!.. Затѣмъ—Каролинъ, Шабельская, Гончаровъ; а тутъ и отдѣльныя книги гг. Баранцевича, Мачета, Бѣлинскаго, Линева... Да развѣ мыслимо при одномъ фельетонѣ всего касаться хотя слегка, а не то-что поговорить обстоятельно, по душѣ? Я вѣдь не присяжный критикъ, на лавры г. Скабичевского не претендую; я беллетристъ и не умѣю давать отчетовъ по извѣстному шаблону... Хочется просто выговориться, по душѣ побесѣдовать,—это я и имѣлъ въ виду, начиная бесѣды... А побесѣдовать-то и трудно...

Вотъ хотя-бы теперь.
 Предо мной лежатъ: мартовская книга „Сѣв. Вѣстника“, послѣднія книжки „Вѣсти. Европы“, „Рус. Мысли“, „Рус. Богатства“ и „Рус. Вѣстника“. Не угодно-ли? По поводу стиховъ въ „Сѣв. В.“ хочется поговорить о поэзіи вообще и современной въ частности, и о переводахъ особенно. Хочется и по поводу замѣтокъ Мих. Иловскаго побесѣдовать... Немало мыслей возбуждаетъ и романъ Шабельской, да и повѣсть Бобарыкина—„Вторая отъ воды“ также... Драма Кар-

пова „На земской нивѣ“ вопіетъ всѣми своими недѣлостями и является жажда о современной драмѣ поговорить. А тутъ „Молодежь“ Орловскаго и „Степь“ Чехова... Немыслимо же обо всемъ! О чемъ же? Да приходится о Чеховѣ... Приходится ему посвятить замѣтки, ибо очень ужъ громко и крикливо выхваляетъ его г. Буренинъ, точно сваха жениха: все, молъ, хорошо,—такое золото, какого и нѣтъ помимо него!.. Въ самомъ дѣлѣ: выше Гл. Успенскаго (я пропускаю Короленко), преемникъ Гоголя и Толстаго,—позвольте мѣсто городничему,—Чехову дорогу!..

Хорошо сотрудничать въ „Нов. Времени“. Каждый сотрудникъ талантомъ и крупнымъ оказывается!.. Да если и не крупнымъ, то все-же выдающимся, и г. Буренинъ непременно хвалить будетъ... Не сотрудничаетъ въ „Н. Вр.“,—плохо вамъ... Угодно примѣровъ? Извольте! Случевскій свой человекъ,—его хвалятъ усердно г. Буренинъ, несмотря на то, что въ его стихахъ попадаются цѣлыя страницы перловъ, могущихъ служить образцами величости и полнѣйшей бездарности! Надсонъ не помѣщалъ стиховъ въ „Нов. Вр.“ и смѣлъ еще „судженіе имѣть“ о г. Буренинѣ,—Надсона топтала своими копытами откровенная простыня... Фофановъ человекъ талантливый, но, конечно, съ Надсономъ его и сравнивать нельзя; что будетъ еще впереди, да и будетъ-ли—сказать мудрено. А „Н. Вр.“ и его клика Фофанова выше Надсона поставили... Альбовъ—беллетристъ съ большимъ талантомъ, хотя вслѣдствіе условій жизни и не можетъ проявить во всей силѣ своего дарованія, а „Н. Вр.“ молчитъ о немъ, даже о такомъ выдающемся произведеніи, какъ „Ряса“... М. Бѣлинскаго „Н. Вр.“ травило и высмѣивало, но вотъ г. Бѣлинскій, ничтоже сумняшеся, пожелалъ писать въ „Н. Вр.“—и его обхвалить, его защищать... Короленко—похвалили, въ надеждѣ получить отъ него что-нибудь, но молодой писатель не догадался дать разсказа въ „Н. Вр.“, и Чехова посадили ему на плечи! Вотъ Чеховъ—сила, полугеній. Еще бы! вѣдь онъ постоянно пишетъ въ „Н. Вр.“... Конечно, пріятно имѣть въ числѣ своихъ сотрудниковъ „геніевъ“ и вторыхъ Толстыхъ и Гоголей, да вѣдь не всегда

можно!.. Приятно имѣть другомъ, напр., Скобелева, но можно-ли армейскаго поручика Иванова выдавать за Скобелева? Г. Буренинъ именно такъ и дѣлаетъ, выдавая г. Чехова за Гоголя нашего времени!....

Я давно знаю г. Чехова—не лично, а какъ писателя... Еще въ 83 году онъ печатался въ „Зритель“ Давыдова, „Осколкахъ“, „Будильникѣ“, затѣмъ въ „Нов. Дня“, въ „Пет. Газетѣ“, откуда и заѣхалъ въ „Н. Вр.“... Помню я рассказы „Автоши Чехонте“, „Человѣка безъ селезенки“,—все это порой было не безъ юмора, не безъ таланта, но съ апраксинскимъ оттѣнкомъ, съ печалью Лейкина послѣдняго времени... Читали Чехонте, какъ читають массу вещей въ „Листкахъ“, читали, хохотали нерѣдко и... забывали!.. Но вотъ на Чехонте благосклонно обратилъ вниманіе „нѣкто“ и привелъ его въ большую газету, а тамъ, какъ своего сотрудника, подхватили его на руки и, вознеся надъ головами всѣхъ писателей, гаркнули со свойственною беззащитностью:—преклонися публика! Подносимъ тебѣ Гоголя и Толстаго № 2 й! Нуль передъ нимъ Короленко и Гл. Успенскій...

„Степь“—первое солидное произведеніе г. Чехова. — Посмотримъ, въ чемъ перлы этого образцоваго очерка, ставящаго Антона Чехонте рядомъ съ творцомъ „Войны и Мира!“ На слово повѣрить опасно, ибо та же клика кричала, что и комедія Чехова „Ивановъ“—чудо!.. А эта комедія—безсмысленная, полная шаржа, обнаружившая незнаніе жизни, плохо написанная, съ трескомъ провалилась у Корша!.. Но „друзья“ и тутъ хвалили... О, эта повременская дружба!..

„Степь“ не новость, не цѣлостное большое произведеніе, это—рядъ картинокъ, сшитыхъ между собою... Можно нѣкоторыя сократить, выкинуть (даже слѣдовало-бы), можно (бумага терпитъ) еще присоединить дюжину картинъ... Но развѣ это достоинство?.. Хорошо то произведеніе, въ которомъ нельзя ничего убавить, зачеркнуть, нечего и не надо прибавить,—все въ мѣру, какъ пѣсня, изъ которой слова не выкинешь!..

У Чехова нѣтъ рассказа,—все произведеніе—картинки, наблюденія, носящія отрывочный, именно эпизодическій характеръ... Г-на Буренина привело въ вос-

хищеніе описаніе степи... Боже мой, это послѣ гоголевскаго-то описанія! Или послѣ левитовскаго?

Правда, г. Чеховъ большаго мнѣнія о себѣ,—онъ пожелалъ идти дальше (какъ и слѣдуетъ преемнику) Гоголя и нарисовать картину болѣе широкую. Гоголь взялъ степь въ извѣстный моментъ и нарисовалъ великолѣпную картину, разработавъ ее подробно; вась въ ней все поражаетъ—и языкъ, и краски; величественная картина написана необыкновенно просто, такъ живо и образно, что можно рисовать, что вы видите степь передъ собою, точно сами ѣдете ею; въ обоняете запахъ травъ, слышите пѣніе птичекъ, видите передъ собою и этого ястреба, что повисъ, какъ точка, въ воздухѣ... Необыкновенно поэтично, сочно, ярко и просто, такъ просто, какъ пишутъ обыкновенно большіе художники... И замѣтите, что все это между прочимъ, очень сжато, коротко... У г. Чехова-же все длинно, растянато, часто выло сдѣлано; видимо, что авторъ хотѣлъ щегольнуть, пооригинальничать!.. Онъ задумалъ описать степь въ разные моменты: и днемъ, и ночью, и въ ясную погоду, и въ бурю... Правда, попадаютъ недурныя (только недурныя) картинки, мѣста (хотя нѣкоторыя картинки точно такія-же чуть не буквально мы видимъ у другихъ беллетристовъ, о которыхъ г. Буренинъ не сказалъ ни слова!), но въ общемъ все это не производитъ впечатлѣнія настоящаго, утомляетъ вась своими безцѣльными длиннотами, сухими, лишними, для степи собственно не характерными... А что за стиль, что за языкъ у новаго Гоголя и Толстаго! Не угодно-ли: „ошарпанная брочка“; „она была жива до своей смерти“; „небо смугло“; „прохладный бархатъ“; „мягко картавя“; „облако переглянулось со степью“ (кстати-бы прибавить: подмигнуло и показало языкъ!); „загорѣлые холмы“; „мысли путились, какъ нитки“; „солнце пиялило свои лучи“; „с...нъ сынъ (неужели нельзя было обойтись безъ этого сына?); „старикъ, вернувшіеся изъ церкви, всегда испускаютъ сіяніе“ и ир. и ир.

Ужели это образцовый языкъ? Ужели это признакъ гениа? Ужели этимъ г. Чеховъ получаетъ право на титулъ преемника Гоголя и Толстаго?.. А что г. Чеховъ подражаетъ Толстому въ его от-

рицательныхъ качествахъ,—это видно изъ одного с—на сына... Для чего? Народъ ругается и еще почище, что-же зѣваете, г. Гоголь-Толстой № 2-й?.. Гр. Толстой, въ „Смерти Ивана Ильича“—коснулся нѣкоей посуды, неудобоназываемой,—не преминулъ упомянуть ее и Чеховъ: „О. Христофоръ шепнулъ зятю что-то на ухо; тотъ вышелъ и, вернувшись не-много погодя, поставилъ подъ диванъ посудину“... Замѣчательно художественная подробность, и притомъ такая безусловно необходимая, что безъ нея нельзя было обойтись новому Гоголю! Да, можно сказать: специфическій реализмъ у г. Чехова, и на ночной посудинѣ оцъ дѣйствительно сошелся съ Толстымъ, ею приближается къ нему!..

Но что-же за времена, когда за такія достоинства производить въ Гоголи? За кого считаютъ публику?.. И не является ли г. Буренинъ услужливымъ медвѣдемъ, ставя Чехова выше Успенскаго, Короленки? Объ Альбовѣ даже и не упоминается... Я не буду останавливаться далѣе на очеркѣ Чехова; не разборъ всего произведенія я и хотѣлъ сдѣлать, а только показать образцы, перлы образцоваго описанія степи Гоголя № 2-й.

Стѣсняясь мѣстомъ, я не привожу отрывка, взятаго г. Буренинымъ. Довольно сказать, что этотъ отрывокъ, какъ вѣрно выразился „День“, настолько плохъ, что, судя по нему одному, Чехова надо-бы было признать посредственностью...

Да, это такъ. Но я не назову Чехова ею, ибо у него есть талантъ, его хватаетъ на недурныя картинки, сценки, но, конечно, этотъ талантъ далекъ не только отъ гоголевскаго, толстовскаго, но несравненно, безгранично ниже и меньше, чѣмъ талантъ Короленки, Альбова, не говоря уже объ Успенскомъ... Я не умаляю заслугъ г. Чехова, но отвожу ему надлежащее мѣсто... Мой пріятель Ивановъ 1235-й бился подъ Плевной, раненъ; я этого не отрицаю, и считаю Иванова 1235-го храбрымъ офицеромъ, но рядомъ со Скобелскимъ или Суворовымъ его не поставлю. И, конечно, буду только правъ!

А. Кругловъ.

1888